

Н.З. Мосаки

Политика Республики Корея в Иракском Курдистане

Аннотация. Настоящая статья посвящена политике Республики Корея, утверждающей себя в качестве «средней державы» в мировой политике, в Иракском Курдистане после свержения баасистского режима в Ираке после 2003 г. Показана история вовлечения Южной Кореи в Иракский Курдистан через воинский контингент, находившийся там в 2004—2008 гг. и положивший начало курдско-корейским отношениям. Проанализирована деятельность корейских дипломатов в Курдистане. Для Курдистана прямые дипломатические связи с Кореей представляли собой попытку его властей по суверенизации своего края, в том числе через самостоятельную международно-нефтяную политику и заключение договоров напрямую с иностранными, в том числе южнокорейскими, компаниями. Однако участие корейских компаний в разработке курдистанских месторождений принесло им лишь убытки. Неудача с экспансией корейских нефтяных компаний в Курдистан и более реалистичное отношение к его экономическому потенциалу на первый план со стороны Кореи выдвинули гуманитарную и культурную дипломатию. В работе подробно представлена культурная деятельность Южной Кореи в Курдистане, где сформирован один из наиболее положительных образов этой страны за рубежом. Показано отражение восприятия Кореи в курдистанских средствах массовой информации. Курдистан является важным направлением, где Корея реализует одну из главных своих национальных идей — обретение международного авторитета и выход за пределы Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Республика Корея, Ирак, Иракский Курдистан, «средняя держава», «Зейтун», культурная дипломатия, гуманитарная помощь.

Автор: Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-8268-006X. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мосаки Н.З. Политика Республики Корея в Иракском Курдистане // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 42—65. DOI: 10.48647/ICCA.2023.84.92.005.

N.Z. Mossaki

The Policy of the Republic of Korea in Iraqi Kurdistan

Abstract. This article explores the policy of the Republic of Korea, positioning itself as a “middle power” in global politics, specifically in relation to Iraqi Kurdistan following the overthrow of the Baathist regime in Iraq after 2003. The history of South Korea’s

involvement in Iraqi Kurdistan through the military contingent stationed there from 2004 to 2008 is presented. This military presence marked the beginning of Kurdish-Korean relations. The diplomatic endeavors of Korean representatives in Kurdistan are scrutinized, highlighting the region's pursuit of direct diplomatic relations with Korea as a means to assert its sovereignty. This includes initiatives such as an independent international oil policy and the negotiation of agreements directly with foreign nations. Nevertheless, the involvement of Korean enterprises in Kurdistan's oil fields resulted in financial setbacks. Subsequently, there has been a shift towards prioritizing humanitarian and cultural diplomacy. The article provides a comprehensive analysis of South Korea's cultural activities in Kurdistan, where one of the most positive images of this country abroad is shaped. The article also analyzes how Korea is perceived in Kurdistan's media. Kurdistan emerges as a significant arena where Korea is actualizing one of its core national objectives — the attainment of international authority and global expansion beyond Northeast Asia.

Keywords: the Republic of Korea, Iraq, Iraqi Kurdistan, “middle power”, “Zaytun”, cultural diplomacy, humanitarian assistance.

Author: Nodar Z. MOSSAKI, PhD (history), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the RAS. ORCID: 0000-0001-8268-006X. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Mossaki N.Z. (2023). Politika Respubliki Koreya v Irakskom Kurdistane [The Policy of the Republic of Korea in Iraqi Kurdistan]. *Korevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 42—65. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.84.92.005.

Иракский Курдистан, занимающий важное стратегическое положение и обладающий весьма высоким уровнем самостоятельности в составе Иракской Республики, играет важную роль в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ). Наряду с этим многократное увеличение доходов местного бюджета в Ираке после свержения баасистского режима благодаря экспорту нефти привлекает внимание не только сверхдержав, традиционно имеющих интересы на БСВ, но и так называемых средних держав (middle power), а также стран Восточной Азии, традиционно заинтересованных в рынках БСВ для экспорта своей продукции и услуг и расширяющих их международные связи благодаря росту своего политического веса в международной политике. Наиболее активную роль из стран Восточной и Юго-Восточной Азии в Иракском Курдистане играет, понятное дело, Китайская Народная Республика [Мосаки, 2016], однако в этом контексте можно выделить ещё и Японию с Южной Кореей, которые, благодаря экономическим, а также в некоторой степени и политическим мотивам, тоже вовлекаются во взаимоотношения с Иракским Курдистаном.

Настоящая статья посвящена политике Южной Кореи в отношении Иракского Курдистана¹.

¹ Автор выражает благодарность двум анонимным рецензентам за полезные замечания и рекомендации.

Введение

Традиционно интерес исследователей, изучавших внешнюю политику Республики Корея (РК), концентрировался на отношениях с Соединёнными Штатами, странами-соседями (Северо-Восточная Азия) и государствами окружающего региона (Восточная и Юго-Восточная Азия), а также в целом на месте Южной Кореи в международной политике. Тем более, что возросшая экономическая мощь, в значительной степени основанная на внешнеэкономических связях (объёмах экспорта), содействовала впоследствии расширению масштабов дипломатического влияния этой страны за рубежом, превратив её к 90-м годам XX в. в «среднюю державу», или «державу средней силы». Республика Корея является редким примером, когда страна, будучи получателем международной помощи, стала крупным донором [Neo & Roehrig, 2014; Snyder, 2018].

В отечественной и зарубежной литературе имеется немало работ как в целом о «средних державах», так и о Южной Корее как «средней державе». Так, сравнительному анализу концептуальных подходов в изучении «держав среднего уровня» в международных отношениях посвящена статья В.В. Вершининой [Вершинина, 2020]. Концепции «средней силы» во внешней политике Республики Корея, точнее — подробный разбор корейской версии этой концепции, представлен в работе А.В. Воронцова с соавторами [Воронцов и др., 2020]. Теория и практика политики «средней державы» этой страны, заключённые в идее «приведения в соответствие с экономическими достижениями внешнеполитического влияния», рассмотрены в исследовании В.А. Родионова и В.Р. Бритовой [Родионов, Бритова, 2021, с. 60]. Ряд интересных положений имеется в статье В.А. Аваткова и В.Я. Агафоновой о сравнительном анализе внешней политики Турции и Республики Корея [Аватков, Агафонова, 2023], в которой, в частности, обоснованно подчёркивается более независимый от Запада курс Турции, а также ограниченность возможностей Южной Кореи в окружающем её регионе, где «превалируют» другие державы, в связи с чем она «стремится распространить своё влияние за пределами региона с помощью инструмента “мягкой силы”» [Аватков, Агафонова, 2023, с. 10, 25]. Вместе с тем, хотя меньшая внешнеполитическая независимость Южной Кореи, по сравнению с Турцией, очевидна, трудно однозначно утверждать о большем учёте руководством Турции собственных национальных интересов, однако дальнейшее развитие этой темы выходит за рамки настоящей статьи. По-видимому, небезосновательно мнение об успешности региональной стратегии Южной Кореи как «средней державы» в сотрудничестве и координации с Соединёнными Штатами с постепенным повышением своей роли, а также во взаимодействии с местными силами в соответствующих регионах [Choi, 2009; Ko, 2006], что, собственно, и наблюдалось в стране, политике которой и посвящена настоящая статья.

Очевидно, каждая «средняя держава» имеет свои особенности и функции достижения этого статуса, в случае с Южной Кореей — это экономическое сотрудничество, модель развития, помощь и т. д. [Karim, 2018]

Зарубежными исследователями изучены различные аспекты внешней политики Республики Корея в региональном разрезе [Bridges, 2014]. В частности, про-

анализирована её так называемая новая южная политика (NSP-K), представленная руководством страны в 2017 г. (а также усовершенствованный вариант NSP-K+ от 2020 г.) и направленная на укрепление отношений с Южной и Юго-Восточной Азией, уменьшение зависимости от США в рамках диверсификации своей внешней политики, осуществление более «сбалансированной дипломатии» и стремление к «стратегической автономии», утверждение себя в качестве «средней державы» [John 2023; Yun, Galas, 2023; Kamaruddin, Deivasagayam, 2023], в том числе с использованием «мягкой силы» [Yang, Hsiao, 2023].

Особенности политики РК в отношении Центральной Азии приведены в статье О.С. Пугачевой [Пугачева, 2023].

В целом следует отметить, что Ближний и Средний Восток находятся на периферии внешней политики Южной Кореи [Волошак и др., 2023], хотя со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, особенно с ОАЭ и Саудовской Аравией, у неё имеются масштабные экономические связи.

Имеется ряд работ, посвящённых различным аспектам взаимодействия Южной Кореи со странами БСВ, среди которых можно выделить «The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security» [Levkowitz, 2010]. Правда, одной из первых статей о проникновении этой страны на Ближний Восток являлась статья Диснея о южнокорейских рабочих в этом регионе и деятельности южнокорейских строительных фирм, которые первоначально привлекались на подряды, полученные на БСВ японскими компаниями [Disney, 1977, p. 24]. При этом следует помнить, что связи Южной Кореи со странами БСВ в период холодной войны во многом были обусловлены противоборством между двумя системами.

Хотя экономическая значимость БСВ для Южной Кореи стала увеличиваться с 70-х до конца 90-х годов XX в., этот регион был, можно сказать, вне внимания южнокорейской дипломатии и наблюдалось лишь примитивное экономическое взаимодействие между Республикой Корея, с одной стороны, и странами Ближнего и Среднего Востока — с другой: приобретение энергоресурсов и выполнение различных проектов. В XXI в. веке ситуация стала меняться — как с точки зрения масштабного роста экономических связей, так и относительно военного вовлечения Южной Кореи в этот регион [Levkowitz 2010, p. 1]. Южнокорейская оборонная промышленность активно завоёвывает и рынки вооружений на БСВ, что важно для продвижения внутренних амбициозных военных программ и получения большой финансовой выгоды [Azad, 2023].

Из проблем Ближнего и Среднего Востока южнокорейская общественность наиболее знакома, неудивительно, с арабо-израильским конфликтом [Zelcer-Lavid & Evron, 2021].

В 2022 г. была издана весьма содержательная монография о политике Южной Кореи на Ближнем и Среднем Востоке, в которой рассмотрены отношения с Ираном, Саудовской Аравией, ОАЭ и Ираком, в том числе с Иракским Курдистаном [Jeong, 2022]. В ней, в частности, правомерно подчёркивается стратегическое партнёрство с Ираном, начатое ещё в 70-х годах XX в. и продолженное в XXI в. в области торговли энергоносителями и в сфере строительства, а также использование территории этой страны в качестве своеобразного хаба для реэк-

порта южнокорейских товаров и тесных взаимоотношений с Тегераном для вовлечения в ряд вопросов. Однако роль Ирана во взаимодействии Южной Кореи с Иракским Курдистаном преувеличена. Политика Республики Корея в отношении Иракского Курдистана рассмотрена в статье о ее ближневосточном курсе во время президентства Ли Мён Бака [Azad, 2013, p. 557—559]. Непосредственно сведения о взаимоотношениях Иракского Курдистана с РК представлены в различных сообщениях, репортажах и других материалах курдистанских СМИ — телеканалов Rûdaw, Kurdistan24, а также в меньшей степени Kurdsat и др., широко использованные в настоящей работе.

Политика Южной Кореи в Иракском Курдистане

Хотя южнокорейские компании начали действовать в Ираке в конце 1970-х годов, когда компания Hyundai Engineering & Construction получила контракт на осуществление проекта очистных сооружений на юге страны в Басре, дипломатические отношения между этим государством и РК были установлены лишь в 1989 г.¹ Однако вскоре, после агрессии против Кувейта в 1990 г., в отношении Ирака были введены международные санкции, серьёзно ограничившие экономические связи этой страны. Фактически отношения Ирака с Южной Кореей были прекращены.

С 1995 г. в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» Ирак получил возможность продавать нефть в обмен на предметы первой необходимости, в связи с чем в страну стали поступать и южнокорейские товары: текстильная продукция, электрические батареи, резиновые шины, медицинские изделия, грузовые автомобили и др. Поставки иракской нефти в Южную Корею возобновились с 1998 г. Объём экспорта южнокорейских товаров в Ирак до начала XXI в. не превышал нескольких миллионов долларов в год, в то время как иракский нефтяной экспорт в РК существенно превышал импорт и составлял несколько десятков миллионов долларов.

Поворотным пунктом в развитии иракско-корейских связей стало свержение Соединёнными Штатами в 2003 г. режима Саддама Хусейна и размещение в Иракском Курдистане (к северу от столицы региона — г. Эрбиль) с сентября 2004 г. по декабрь 2008 г. в составе многонациональных сил под руководством США южнокорейского контингента под названием «Зейтун» (по-курдски *Tîra Zeûtûne* [подразделение «Олива»] от слова *Zeûtûn*, что по-арабски и по-курдски означает «Олива»). В разные периоды его численность составляла от 500 до почти 4 тыс. человек, уступая лишь американцам и британцам. Значительную его часть составляли не просто и не только военнослужащие, но и инженеры, врачи

¹ Следует отметить, что между Ираком и КНДР дипотношения были установлены в 1968 г. после прихода к власти баасистов и достигли своего зенита к началу 70-х годов XX в., однако в 1980 г. были прекращены, так как Северная Корея поддержала Иран в войне с Ираком. Дипломатические отношения были восстановлены лишь в 2008 г. [Szalontai & Jinil, 2023; Azad, 2018, p. 390—392; Song, 2016, p. 75—76]. Однако, несмотря на поддержку Ирана в начале 1980-х годов, КНДР всё же старалась маневрировать между двумя странами, что весьма подробно раскрыто в недавно опубликованной содержательной статье [Szalontai & Jinil, 2023].

и другие гражданские специалисты, сыгравшие немалую роль в восстановлении инфраструктуры курдского региона Ирака, пострадавшего после первой войны в заливе и более чем 20-летнего эмбарго Саддама Хусейна против курдов. Отправка южнокорейского военного контингента произошла после просьбы Соединённых Штатов в феврале 2004 г. в адрес руководства Республики Корея в связи с тяжёлым положением в Ираке и необходимостью привлечения союзников для решения различных проблем, возникших после смены власти в стране.

Хотя формально южнокорейский контингент находился в Ираке, высокий уровень автономизации Иракского Курдистана и фактически отсутствие какого-либо контроля над этим регионом со стороны Багдада положили начало южнокорейско-курдским контактам без какой-либо иракской составляющей.

Следует отметить, что отправка вооружённых сил в Ирак вначале не воспринималась в южнокорейском обществе единодушно в качестве необходимого решения [Lee, 2006] в связи с неоднозначным восприятием иракской кампании США. Причиной этого являлась тяжёлая военно-политическая обстановка в Ираке, сложившаяся после свержения Саддама Хусейна, и, исходя из этого, серьёзные угрозы со стороны экстремистских организаций в адрес иностранных военнослужащих и специалистов, в том числе казнь южнокорейского гражданина (переводчика в корейской фирме в Ираке) одной из исламистских группировок, действовавших в Ираке, в июне 2004 г. Однако решение руководства страны участвовать в проамериканской коалиции, безусловно, позволило Южной Корее значительно увеличить свой политический вес на Ближнем Востоке, а также своё восприятие в качестве международной силы. При этом в целом опасения корейского общества оказались напрасными, что, конечно же, было обусловлено, в первую очередь, безопасностью курдского региона. Расквартирование корейских военнослужащих в безопасном Курдистане фактически предотвратило их соприкосновение с серьёзными «иракскими рисками», имевшимися в то время, и позволило сосредоточиться на наиболее сильных сторонах корейской политики — оказании различных видов помощи. Корейский контингент осуществлял сооружение и ремонт различных объектов инфраструктуры (дорог, больниц, школ, линий электропередач и т. д.), обучал местное население различным техническим навыкам, в том числе корейцами был создан Центр профессионального обучения (что-то наподобие профессионально-технического училища), где жители Иракского Курдистана проходили различные курсы продолжительностью несколько недель, связанные с обслуживанием различной техники. Южнокорейцы оказывали местному населению медпомощь (лишь за первые два года пребывания контингента она была оказана около 40 тыс. человек, а всего ее получили почти 100 тыс. человек); на базе контингента было создано медучреждение с 38 койками, где осуществлялось обучение местных докторов и младшего медперсонала, а также мобильная клиника, которая оказывала медпомощь в удаленных районах,

«Зейтун» за время нахождения в Курдистане вместе с Южнокорейским агентством международного сотрудничества (КОИСА), открывшим представительство в Эрбиле в 2004 г., и корейскими компаниями построил 61 школу, 15 медицинских центров, в том числе больницу с одноимённым названием, предоставляя также оборудование и медикаменты для них, а также библиотеку стои-

мостью 4,3 млн долл., где проводятся культурные мероприятия. Среди крупных проектов следует отметить строительство известной южнокорейской компанией POSCO электростанции Хабат, которая производит почти 10 % курдистанской электроэнергии. Всего подразделением «Зейтун» и KOICA было реализовано около 250 объектов на общую сумму в несколько десятков миллионов долларов¹.

«Зейтун», кроме экономических проектов, внёс большой вклад в развитие южнокорейско-курдских культурных связей и знакомство курдов с Южной Кореей. Южнокорейский контингент имел свой сайт (zaytun.mil.kr), который в настоящее время не действует, издавал газету *The Zaytun*, вначале выходящую с текстами параллельно на английском и корейском языках, а после — на английском и курдском языках, являвшуюся важным источником деятельности этого военного контингента в Курдистане.

Следует отметить, что первоначально почти все южнокорейские культурные мероприятия проводились южнокорейскими военнослужащими на военной базе «Зейтун», которую посещали самые высокопоставленные лица курдской администрации, включая премьер-министра, министров, губернаторов и т. д., воспринимавшие Республику Корея через деятельность южнокорейских военных. Там были организованы фестивали корейско-курдской дружбы. В июне 2006 г. известная южнокорейская труппа бродячего театра «Намсаданг» представила спектакль, на котором присутствовали министры культуры и образования Курдистана, а также другие высокопоставленные лица. Южнокорейские военные проводили соревнования по тхэквондо, обучали курдов разным навыкам и т. д.

Деятельность «Зейтун» сразу же была воспринята местным населением Курдистана с восхищением². Более того, впоследствии генконсул Республики Корея в Курдистане заявлял даже, что курды приветствовали корейский контингент как «дар с небес»³, и часто повторял слова бывшего президента Курдистана Масуда Барзани, перефразировавшего известную курдскую поговорку «У курдов нет друзей, кроме гор», горько заявляющую об одиночестве курдов в мире, следующим образом: «У курдов нет друзей, кроме гор и Кореи»⁴.

Южнокорейские представители всячески подчеркивали, что их миссия заключается в оказании поддержки в восстановлении Ирака, указывая на пример помощи их стране коалицией под командованием США после разрушительной

¹ Подробный отчёт Министерства планирования Курдистана о проектах KOICA в этом регионе см. по: Kurdistan Regional Government — Iraq, General Directorate of Development Cooperation and Coordination. *Contributions of the Republic of South Korea to Kurdistan Region from 2004 to the end of 2010*. Erbil: Kurdistan Regional Government; 2010.

² Об итогах деятельности «Зейтун» в Курдистане, кроме газеты *The Zaytun* и различных многочисленных сообщений в курдских СМИ, см. также: Hyung-eun K. Lessons learned on both sides as Zaytun heads home. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=289907426>. 12.2008 (здесь и далее дата обращения: 17.10.2023).

³ Choi Kwang-Jin [South Korea's Consul General in the Kurdistan Region]. Searching for a new roadmap for Korea and the Kurdistan Region in the coronavirus pandemic. URL: <https://www.rudaw.net/english/opinion/22092020> (дата обращения: 22.09.2020).

⁴ Zhelwan Z. Wali. 'Kurds have no friends but the mountains and Korea': Korean consul. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/160920201>; URL: <https://www.rudaw.net/english/opinion/22092020> (дата обращения: 16.09.2020).

войны на Корейском полуострове в 50-х годах XX в. Деятельность южнокорейцев приносила значительную пользу местному населению и выгодно отличалась в этом смысле от американцев, вовлечённых в основном лишь в военно-политические вопросы и относившихся несколько снисходительно к действиям, направленным на реализацию конкретных проектов по удовлетворению нужд местного населения.

О важности южнокорейского контингента в Ираке для Соединённых Штатов свидетельствовало его посещение министром обороны США Д. Рамсфельдом во время визита в эту страну в октябре 2004 г. Базу в Эрбиле посещал и президент Южной Кореи Но Му Хён: 8 декабря того же года он сделал там остановку на пути домой после возвращения из Европы (из Парижа он вылетел в Кувейт, а оттуда уже в Иракский Курдистан).

После завершения миссии «Зейтун» Южная Корея, создав себе весьма положительный имидж в глазах населения Иракского Курдистана, возможно один из наиболее позитивных как в части восприятия местным населением, так и в целом, имея в виду образ РК в мире, продолжала оказывать различного рода помощь этому региону.

Именно деятельность Южной Кореи в Ираке, точнее — в Иракском Курдистане, ознаменовала начало становления РК как важной международно-политической силы за пределами непосредственно «своего региона», повысив её авторитет на международной арене. Это позволило Южной Корее превратить военные операции в перспективы для бизнеса, предоставив при этом возможность позиционировать себя доброжелательным защитником и гуманистом, укрепить свой статус «средней державы» [Kim & Moon, 2022].

Тесное взаимодействие с властями Курдистана и утверждение Южной Кореи в качестве устойчивой «гуманитарной державы» в этом крае не могло не привести к ее экономическому вовлечению, что традиционно является одним из приоритетов этой страны. Импорт южнокорейских товаров разного вида, имеющих глобальную известность (техника, автомобили и т. д.), в Курдистане не нуждался в дипломатическом содействии. Он проходил в основном через ОАЭ, являющиеся крупнейшим торговым хабом на Ближнем и Среднем Востоке, однако участие Южной Кореи в проектах, решение по которым зависело от курдистанских властей, основывалось на гуманитарно-дипломатических успехах этой страны в Курдистане. В последнем начали действовать различные южнокорейские компании, в том числе с 2007 г. государственная Корейская национальная нефтяная компания (KNOC).

Активно развивались дипломатические связи между Южной Кореей и Курдистаном. Центральные власти Багдада не были консолидированы, уровень самостоятельности Курдистана после свержения баасистского режима в Ираке был высочайшим. Иракские власти фактически не контролировали Курдистан, как и некоторые другие районы и провинции, особенно в местах преимущественного проживания суннитов. Передвижение в Багдаде для дипломатов также являлось весьма проблемным с точки зрения безопасности, в то время как Курдистан представлял собой «островок безопасности» в Ираке и позиционировал себя в качестве «другого Ирака». Для Курдистана прямые дипломатические связи с

Южной Кореей представляли собой попытку его властей по суверенизации своего края. Впервые южнокорейский посол в Ираке посетил Курдистан 5 июня 2006 г., побывав на военной базе своей страны, а также встретившись с тогдашним президентом края Масудом Барзани.

После свержения баасистского режима Иракский Курдистан пытался осуществлять самостоятельную международно-нефтяную политику, заключая договоры напрямую с иностранными, в том числе южнокорейскими компаниями, минуя разрешения центральных властей Ирака, что, естественно, вызывало недовольство Багдада, исключавшего сотрудничавшие с курдскими властями фирмы из некурдистанских иракских проектов.

В ноябре 2007 г. консорциум корейских компаний под руководством КНОС подписал с властями Курдистана соглашение о разделе продукции по добыче нефти на месторождении Базиан с запасами 500 млн баррелей. Напрямую с Иракским Курдистаном взаимодействовала и компания SK Energy Co, в связи с чем иракские власти с января 2008 г. даже прекратили экспорт нефти в её адрес и не допустили южнокорейский бизнес до участия в ряде тендеров.

В середине февраля 2008 г. Южную Корею посетил премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани, который был принят Ли Мён Баком, президентство которого открыло новую главу в отношениях между Сеулом и Эрбилем [Azad, 2013, p. 558]. Н. Барзани пообещал корейскому руководству контракты для корейских компаний на сумму более 10 млрд долл. Подписание этих соглашений, не признававшихся Багдадом законными, Н. Барзани считал «конституционным правом Курдистана». Во время своей поездки глава правительства Курдистана, обещая урегулировать противоречия с Багдадом, подписал с группой корейских компаний под руководством КНОС предварительное соглашение на разработку этим консорциумом четырёх курдистанских месторождений с запасами от 1 до 2 млрд баррелей нефти. На встрече с Н. Барзани президент Южной Кореи просил руководство Курдистана содействовать дальнейшему вовлечению южнокорейских компаний в курдский регион в область нефтедобычи, на что премьер-министр Курдистана заявлял о заинтересованности Курдистана в опыте корейцев.

Это нефтяное соглашение было подписано в Эрбиле в июне 2008 г., более того, южнокорейцы получили дополнительно несколько месторождений — всего на 7,2 млрд баррелей, взамен обязуясь реализовать проекты на сумму почти 11 млрд долл., в том числе построить объекты электроэнергетической инфраструктуры, водоочистные сооружения, автомагистрали и школы. Южнокорейские СМИ называли это соглашение огромной, но рискованной сделкой, однако в связи с малыми шансами на получение доступа к иракской нефти на южных месторождениях Ирака, где господствовали мировые гиганты, южнокорейцы пытались закрепиться в Курдистане¹. Однако столь политизированное вовлече-

¹ Kim M. Iraq's Kurds sign oil deals with S. Korea firms // Reuters. URL: <https://jp.reuters.com/article/korea-iraq/update-2-iraqs-kurds-sign-oil-deals-with-s-korea-firms-idUSSEO28961220080625> 25.06.2008 (дата обращения: 19.11.23).

Seoul Signs Huge but Risky Oil Deal in Iraq // Korea times. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2023/10/129_26484.html (дата обращения: 19.11.23).

ние оказалось неустойчивым и нефтяное сотрудничество Курдистана и Южной Кореи не получило продолжения, более успешными там оказались различные южнокорейские проекты в области строительства [Azad, 2013, p. 558].

В конце сентября 2008 г. премьер Н. Барзани ещё раз посетил Южную Корею, был принят президентом Ли Мён Баком, различными министрами и представителями КОИСА.

В конце декабря 2010 г. бывшему премьер-министру Курдистана (тогда — заместителю главы правящей в крае Демократической партии Курдистана, ныне — президенту Курдистана) Нечирвану Барзани президентом Южной Кореи был вручен орден «За заслуги на дипломатической службе» степени Кванхва (Gwanghwa) за вклад в развитие отношений с Республикой Корея¹, что крайне высоко было оценено в Курдистане, лидеры которого весьма редко получают госнаграды от руководства других стран, тем более, учитывая позитивный образ Южной Кореи во всех смыслах.

Правда, следует отметить, что МИД Республики Корея перепутал Нечирвана Барзани с его дядей — лидером ДПК и президентом Курдистана в 2005—2017 гг. Так, на сайте внешнеполитического ведомства, во вкладке отношений с Ираком, приведены сведения о взаимных визитах представителей двух стран, где, в частности, указано, что в феврале и сентябре 2008 г. Южную Корею посетил «глава Курдского регионального правительства Ирака Масуд Барзани» (в РК ездил премьер-министр Нечирван Барзани, а не президент Масуд Барзани), а в декабре 2010 г. — «бывший премьер-министр регионального правительства Курдистана Нечирван», то есть с правильным указанием должности, но неверным написанием имени и без фамилии², хотя, понятно, кто имелся в виду. Всё это свидетельствует, безусловно, о некоторой невнимательности южнокорейского дипломатического ведомства по отношению к Ираку и Иракскому Курдистану.

В 2008 г. Республика Корея для оперативного взаимодействия с курдской администрацией и проведения мероприятия в курдском крае создала в Эрбиле офис своего посольства в Ираке, который с 2010 г. стал выдавать визы, что облегчило их получение в связи с трудностями поездок из Курдистана в Багдад из-за сложной обстановки с безопасностью в иракской столице.

В феврале 2009 г. с госвизитом в Южной Корее побывал президент Ирака Джалал Талабани, являющийся видным лидером курдского освободительного движения и главой одной из правящих партий в Курдистане. Однако его переговоры были связаны непосредственно со взаимоотношениями Ирака и РК, несколько сгладив недовольство премьер-министра Нури аль-Малики³ визитом Нечирвана Барзани в Сеул, хотя Талабани и не преминул дать высокую оценку

¹ Xelatkirina Nêçîrvan Barzanî li Koreya Başûr [Награждение Нечирвана Барзани в Южной Корее] // Телеканал KTV (Kurdistan TV). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jTEqoQQIO3E>. (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

² The Ministry of Foreign Affairs of the Korean Republic. Official site. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/nation/m_4902/view.do?seq=185 (дата обращения: 19.11.23).

³ В Ираке президент выполняет церемониальные функции, вся власть сосредоточена в руках премьер-министра.

деятельности корейского контингента в Эрбиле, назвав Южную Корею «искренним партнёром».

В 2016 г. офис южнокорейского посольства после получения разрешения от МИД Ирака был преобразован в консульство, став одним из важнейших диппредставительств в Курдистане. Незадолго до этого, в августе 2016 г., Южную Корею посетил глава департамента внешних сношений правительства Курдистана Фалах Мустафа, который был принят заместителем министра иностранных дел, а также провёл переговоры с руководством КОИСА и представителями южнокорейских деловых кругов. По имеющимся сведениям, так называемый министр иностранных дел Курдистана в рамках активизации «внешнеполитической» деятельности своего правительства по убеждению влиятельных зарубежных государств в том, что Ирак представляет собой failed state и для региональной безопасности было бы предпочтительней отделение Курдистана, зондировал в Сеуле почву на сей счёт. Багдад тогда не контролировал, не считая Курдистана, значительные территории на западе страны, в то время как Курдистан расширил зону своей администрации на нефтеносную провинцию Киркук и ряд других прилегающих районов. Однако южнокорейские власти, понимая особое положение Курдистана в Иракской Республике, избегали принимать участие в международно-политических действиях вокруг этого края, сделав упор на «мягкую силу» и гуманитарное проникновение.

Южнокорейские дипломаты в Ираке ведут активную деятельность в Курдистане. Послы РК, как до создания консульства в Эрбиле, так и после, регулярно (примерно каждые 3—4 месяца) посещали и посещают Курдистан, встречаясь с руководством региона.

Лидеры Курдистана весьма часто принимают генерального консула Южной Кореи. Причём ввиду того, что в Курдистане фактически два центра силы — под контролем Демократической партии Курдистана в Эрбиле (две провинции — Эрбиль и Дохук) и Патриотического союза Курдистана в Сулеймании, — южнокорейцы, учитывая местные неформальные реалии, поддерживают связи с обоими. Стал традицией приём властями Курдистана южнокорейского консула как по прибытии, так и при завершении его каденции, а также во время пребывания. Кроме того, посол Южной Кореи, как правило, посещает Курдистан при формировании нового правительства в регионе. Каждая встреча южнокорейских дипломатов с курдистанскими представителями включает в себя ставшие уже дежурными, но, тем не менее, вполне искренние заявления курдских властей о высокой оценке роли РК в восстановлении инфраструктуры в Иракском Курдистане, важности культурных связей между курдами и корейцами и желании далее углубить отношения и похожие ответные заверения¹.

¹ Для примера, несколько сообщений на сайтах правительства и президента Курдистана, а также ведущих телеканалов. См.: Têkeliyên Kurdistan û Koreya Başûr li ser bingehêk saxlem. [Отношения Курдистана и Южной Кореи строятся на здоровой основе] // Официальный сайт восьмого регионального правительства Курдистана. URL: http://www.gov.krd/a/d.aspx?s=0100_00&l=16&a=51514 (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

Южнокорейские дипломаты поддерживают контакты с представителями курдистанского бизнеса, вузами и другими организациями. Делегации южнокорейских дипломатов нередко включают представителей различных компаний. Встречи южнокорейских дипломатов с властями Курдистана включают не только формальные дипломатические рандеву с политическим руководством, но и с руководителями министерств и ведомств по различным вопросам. Кроме южнокорейских дипломатов в Ираке, эту страну, и в том числе Курдистан, посещают делегации непосредственно из Республики Корея.

Курдистанские СМИ содержат весьма большое количество материалов об этих встречах. Кроме того, южнокорейские дипломаты весьма тесно общаются и с главами администраций провинций, а также министерств и ведомств Курдистана. Автором не проводился подсчёт упоминаний в СМИ Иракского Курдистана консульств или консулов, однако, исходя из многолетних наблюдений, представляется, что Южная Корея в этом смысле выделяется среди нескольких десятков зарубежных дипломатов в Курдистане.

Следует отметить, что южнокорейское консульство в Эрбиле ведёт весьма содержательную страничку в социальной сети Facebook¹, на которой представлена вся деятельность диппредставительства².

В связи с проблемой Исламское государство (ИГ или ИГИЛ, запрещенная в Российской Федерации террористическая организация) в Ираке, ставшей одной из наиболее серьёзных угроз для этой страны, южнокорейское правительство с

Serok Barzanî pêşwaziya Balyozê Koreya Başûr li Iraqê kir [Президент Барзани принял посла Кореи в Ираке]. URL: <http://www.presidency.krd/kurdil/nprint.aspx?id=p4Her/9hud4> (дата обращения: 24.09.2014). (На курд. яз.).

См. также сообщения СМИ: Koreya Başûr dixwaze pêwendiyên li gel Kurdistanê bihêztir bike [Южная Корея желает усилить свои связи с Курдистаном]. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/080420218> (дата обращения: 08.04.2021). (На курд. яз.). Nêçîrvan Barzanî û Konsulê Koreya Başûr tekeziyê li ser bihêzkirina pêwendiyên dikin [Нечирван Барзани и консул Южной Кореи подчёркивают необходимость укрепления отношений]. URL: <https://www.kurdistan24.net/kmr/story/60549-N%C3%AA%C3%A7%C3%AErvan-Barzan%C3%AE-%C3%BB-Konsul%C3%AA-Koreya-Ba%C5%9F%C3%BBr-tekeziy%C3%AA-li-ser-bih%C3%AAzkirina-p%C3%AAwendiy%C3%AA-dikin> (дата обращения: 25.09.2022). (На курд. яз.). Serok Nêçîrvan Barzanî pêşwaziya Konsolê nû yê Koreya Başûr kir [Президент Нечирван Барзани принял консула Южной Кореи]. URL: <https://presidency.gov.krd/kmr/serok-necirvan-barzani-peswaziya-konsole-nu-ye-koreya-basur-kir/> (дата обращения: 25.09.2022). (На курд. яз.). Mesrûr Barzanî spasiya Koreya Başûr kir [Масрур Барзани поблагодарил Южную Корею]. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2911202210> (дата обращения: 29.11.2022). (На курд. яз.). Mesrûr Barzanî pêşwazî li Balyozê Koreya li Iraqê kir [Масрур Барзани принял посла Кореи в Ираке]. URL: <https://www.kurdistan24.net/kmr/story/61655-Mesr%C3%BBr-Barzan%C3%AE-p%C3%AA%C5%9Fwaz%C3%AE-li-Balyoz%C3%AA-Koreya-li-Iraq%C3%AA-kir> (дата обращения: 29.11.2022). (На курд. яз.). Serok Barzanî pêşwazî li Konsulê Giştî yê Koreya Başûr kir [Лидер Барзани принял генерального консула Кореи]. URL: <https://www.kurdistan24.net/kmr/story/61989-Serok-Barzan%C3%AE-p%C3%A%C5%9Fwaz%C3%AE-li-Konsul%C3%AA-Gi%C5%9Ft%C3%AE-y%C3%AA-Koreya-Ba%C5%9F%C3%BBr-kir> (дата обращения: 20.12.2022). (На курд. яз.).

¹ Запрещена в РФ; соцсеть принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

² Korean Consulate in Erbil // Официальная страница консульства Республики Корея в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/Korea.Erbil> (дата обращения: 19.11.23).

2014 г. начало оказывать военную помощь иракским и курдистанским властям. 24 сентября 2014 г., в период, когда ИГИЛ захватил обширные территории, прилегающие к Курдистану, посол Южной Кореи в Ираке пообещал поддержку курдским вооружённым формированиям¹. 30 ноября он ещё раз посетил Эрбиль и провёл переговоры с курдистанским министром по делам пешмерга (обороны) Курдистана по вопросу военного сотрудничества между Иракским Курдистаном и РК. Вскоре в курдских СМИ появились сообщения о поставке Южной Кореей вооружений правительству Ирака, в том числе Курдистану, для борьбы против ИГ². РК предоставляла Курдистану и гуманитарную помощь в связи с большим количеством временно перемещённых лиц в Курдистане, бежавших из районов, захваченных «Исламским государством». В конце сентября 2015 г. посол Южной Кореи в Ираке посетил Курдистан для переговоров по этому вопросу. В июле 2018 г. РК заявила о выделении Курдистану в качестве гуманитарной помощи 10 млн долл. и вскоре передала МВД Курдистана медикаменты для беженцев. Помощь беженцам Южная Корея неоднократно выделяла и позже³. В июне 2022 г. КОИСА выделило 6 млн долл. езидским беженцам из Синджара, дома которых были разрушены ИГИЛ.

Южнокорейские власти регулярно предоставляют Курдистану медицинскую помощь. Дипломаты РК время от времени передают курдским властям медикаменты на сотни тысяч долларов⁴.

Большую роль в симпатиях курдов к корейцам играет и эмпатия южнокорейцев в отношении чувствительных для курдов тем. Так, в связи с 25-летием Анфалья⁵, парламент Южной Кореи в июне 2013 г. принял резолюцию о признании Анфалья геноцидом (со стороны иракских властей под руководством Саддама Хусейна в отношении курдов). Республика Корея стала четвертой страной после Швеции, Норвегии и Великобритании, которая сделала это. Об этом решении посол Южной Кореи в Ираке Хейон Мейонг Ким сообщил лично министру по делам мучеников Курдистана. А в декабре 2021 г. во время визита в район Гармиан — один из наиболее пострадавших от Анфалья — консул Южной Кореи возложил цветы в память о жертвах Анфалья.

Активно действует в Курдистане КОИСА. Указанная организация осуществляет различные проекты, связанные как с сооружением инфраструктуры, так и с

¹ Serok Barzanî pêşwaziya Balyozê Koreya Başûr li Iraqê kir...

² Çêk û Koreya Başûr balafirên şer didin [Чехия и Южная Корея предоставляют военные самолёты] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/middleeast/iraq/060920152>. (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

³ Koryaya Başûr alikariyê bi koçberên li Herêma Kurdistanê ne re dike [Южная Корея оказывает помощь беженцам в Курдистане] // Kurdistan24. URL: https://www.kurdistan24.net/ku/news/b10f4b0e-d626-4e72-aec9-adcae5effea?fbclid=IwAR1tdXp15dQ3Kq0-UbMWO1NJgTvpHdEf8f19tgz4Oam5wIjTl0_wsPlgA74 (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

⁴ См., например, сообщение о передаче 12 декабря 2017 г. послом Кореи в Ираке лекарств Курдистану стоимостью 300 тыс. долл.: Koreya Başûr alikariyên pizîşkî ji Kurdistanê re dişîne [Южная Корея направляет в Курдистан медицинскую помощь] // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/kurmanci/sa7a/12122017> (дата обращения: 12.12.2017). (На курд. яз.).

⁵ Кампания по массовому уничтожению курдов в Ираке в 1987—1988 гг., в том числе с применением химического оружия, жертвами которой стали более 100 тыс. человек.

повышением эффективности госуправления¹. В апреле 2018 г. КОИСА выделила Курдистану 6 млн долл. для модернизации системы госзакупок², также южнокорейцы участвовали в финансировании переподготовки курдистанских госслужащих, проводя для них различные обучающие семинары.

Следует отметить, что кроме оказания помощи курдской администрации Ирака напрямую Южная Корея выделяла средства для фонда Программы развития ООН, реализующей различные проекты на территориях, освобождённых от ИГИЛ. Сумма взноса Республики Корея в 2015—2021 гг. составила 27 млн долл.

Однако деятельность южнокорейских компаний в Курдистане столкнулась с различными сложностями. Многомиллиардные многообещающие контракты, заключённые на волне ажиотажа, оказались не такими выгодными. К этому добавились проблемы в области военно-политической обстановки из-за фактора ИГИЛ, а также усиления контроля центральных властей Ирака над Курдистаном после проведённого там в 2017 г. референдума о независимости.

Так, KNOC в 2016 г. вышла из проекта «Южный Сангау», где имела 50-процентную долю после подписания с правительством Курдистана в 2008 г. соглашения о разделе продукции, затратив около 200 млн долл. на геологоразведку, посчитав месторождение бесперспективным³. До этого KNOC отказалась от ряда проектов в 2012 и 2014 гг. Следует добавить, что в Южной Корее даже произошёл скандал из-за публикаций в 2015 г. в газете The Korean Times публикаций о возможном незаконном взаимодействии между KNOC и региональным правительством Курдистана, но корейским судом какие-либо нарушения не были установлены.

Однако с центральными властями Ирака с 2012 до весны 2017 г. экономическое сотрудничество Южной Кореи в связи с проблемами безопасности и вовсе было свёрнуто⁴. Летом 2019 г. Багдад и Эрбиль посетила южнокорейская делегация, возглавляемая советником президента Республики Корея по внешнеполитическим вопросам Хан Бён Ду, целью которой являлось углубление экономических связей, нарушенных в связи с ухудшением ситуации с безопасностью⁵. Однако, как заявлял южнокорейский консул в конце 2021 г., активность южнокорейского бизнеса в Курдистане так и не восстановилась. По его данным, до 2014 г. в Курдистане действовало более 200 южнокорейских бизнесменов, в то

¹ PM Barzani hails South Korean aid in improving governance // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/121220173> (дата обращения: 11.12.23).

² Korea to give KRG \$6 million for modernizing procurement systems // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/010520182> (дата обращения: 11.23.23).

³ Mark Watts. South Korean group pulls out of Iraqi Kurdistan oil block // Meed. URL: <https://www.meed.com/south-korean-group-pulls-out-of-iraqi-kurdistan-oil-block/> (дата обращения: 19.11.23).

Jung Min-hee. KNOC Pulls Out of Iraq's Sangaw South Oil Field Project // Business Korea. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=15631> (дата обращения: 19.11.23).

⁴ Шмельёва Т.А. К вопросу о сотрудничестве Республики Корея и стран Ближнего Востока // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=57839> (дата обращения: 19.11.23).

⁵ Serokê Herêma Kurdistanê bo Koreya Başûr hate vexwandin [Президент Региона Курдистан приглашён в Южную Корею] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/030720196> (дата обращения: 19.11.23).

время как спустя семь лет на территории страны остались лишь две компании¹. Сведений об объемах торговли между Курдистаном и РК не имеется, хотя объём иракско-корейской торговли составляет около 9 млрд долл., около 80 % которого составляет экспорт Ирака в Южную Корею (почти полностью сырая нефть и нефтепродукты), а 20 % — импорт (различного вида техника, в первую очередь автомобили — легковые и грузовые, запчасти к ним, также электрооборудование, вооружения и т. д.).

В Курдистане в настоящее время действуют крупнейшие южнокорейские компании — LG, Hyundai, Kia Motors, однако потребление продукции этих фирм, понятно, происходило бы и без тесных отношений РК с Курдистаном и потенциал южнокорейско-курдистанского экономического сотрудничества далеко не исчерпан. Учитывая, что «укрепление торговли между Курдистаном и Южной Кореей является главным приоритетом» корейских дипломатов в Курдистане², а также принимая во внимание относительную стабилизацию военно-политической обстановки в Ираке, следует ожидать увеличения масштабов этого сотрудничества. Однако этот вопрос следует всё же рассматривать в связке с южнокорейско-иракскими экономическими отношениями. Усиление и консолидация центральных властей в Багдаде, относительная нормализация и стабилизация обстановки в арабской части Ирака, установление стратегического контроля над внешнеэкономической деятельностью Курдистана, в том числе над экспортом нефти, зависимость Эрбиля от трансфертов из иракского бюджета и в целом некоторое уменьшение самостоятельности Курдистана вынуждают Южную Корею в большей степени учитывать позицию Багдада. В экономическом отношении взаимодействие с иракскими властями, выделяющими Курдистану менее 13 % бюджета страны, выглядит заманчивее. Ирак, очевидно, является более крупным экономическим партнёром.

Необходимость восстановления инфраструктуры и создания различных новых сооружений, наряду с наличием значительных объёмов расходов бюджета (более 150 млрд долл. в 2023 г.), создаёт серьёзные предпосылки для иракско-южнокорейского экономического сотрудничества. В середине 2023 г. после шестилетнего перерыва возобновил работу совместный комитет Ирака и Южной Кореи, созданный в 1984 г. и возглавляемый, соответственно, министрами торговли (Ирак) и земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта (РК). Незадолго до этого корейский министр Вон Хи Рён посетил Багдад в рамках своей поездки по ряду стран Персидского залива (он также побывал в Саудовской Аравии и Катаре), целью которой было содействие южнокорейским строительным компаниям в получении новых контрактов. Эту поездку южнокорейская пресса назвала «дипломатией продаж»³. Иракские власти предполагали также, в частности, вернуть

¹ Mohammed D. S. 'Kurdistan Region has so much potential and room to grow': Korea CG // Kurdistan24. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/26598-%27Kurdistan-Region-has-so-much-potential-and-room-to-grow%27:-Korea-CG> (дата обращения: 19.11.23).

² Kurdistan Region, South Korea relationship 'very special:' Consul // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/english/interview/24012023>. (дата обращения: 24.01.23).

³ Lee Kyung-min. Middle East 'sales diplomacy' picks up speed // The Korea Times. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2023/11/129_344348.html (дата обращения: 27.01.23).

южнокорейскую компанию Hanwha Engineering & Construction Co. к работе над гигантским проектом строительства нового города Бисмая с населением 600 тыс. жителей (10 км к юго-востоку от Багдада), приостановленной в связи с отсутствием оплаты, а также привлечь другие фирмы к различным проектам сооружения иной инфраструктуры¹. Правда, позднее, в ноябре 2023 г., иракские власти всё же приняли работы, распорядившись оплатить их². В этом же году иракские власти обсуждали с южнокорейскими компаниями различные крупные проекты, такие как сооружение и ремонт водоочистных сооружений в Басре (именно с подобного проекта, как уже отмечалось, началось экономическое сотрудничество Ирака с Южной Кореей), реконструкция нефтеперерабатывающего завода в Кербеле, разработка газового месторождения в пров. Анбар, строительство промышленного городка в Хаббании и т. д. Необходимо также учитывать, что Ирак является пятым крупнейшим экспортёром нефти в Южную Корею (в 2022 г. — после Саудовской Аравии, США, Кувейта и ОАЭ). В сентябре 2023 г. во время проведения 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН премьер-министр Ирака аль-Судани и президент Южной Кореи Юн Сок Ёль провели переговоры, в ходе которых глава иракского правительства пригласил южнокорейские компании участвовать в стратегическом проекте «Путь развития», предусматривавшего строительство транспортного коридора, который соединит Персидский залив с турецким Средиземноморьем. Таким образом, факторы, способствующие дальнейшему развитию экономического сотрудничества между Ираком и Южной Кореей, видны налицо: у Ирака, являющегося весьма платежеспособной страной, имеется необходимость в крупномасштабном строительстве по всей стране, а РК заинтересована в выполнении различных проектов в Ираке как с экономической точки зрения, так и для повышения своего международного авторитета.

Гуманитарная и культурная дипломатия Южной Кореи в Курдистане

Неудача с экспансией южнокорейских нефтяных компаний в Курдистан и более реалистичное отношение к его экономическому потенциалу выдвинули гуманитарную и культурную дипломатию РК на первый план.

Южная Корея уделяет большое внимание осуществлению различных культурных мероприятий в Курдистане: проводит выставки южнокорейских фотографий³, фестивали корейского кино, праздники Республики Корея, фестивали от

¹ Oh-Sang Yoo. S.Korea-Iraq Joint Committee resumes operations after six years. Korean companies are hoping to participate in large-scale projects such as the reconstruction of Iraq and the Bismayah New City // The Korea Economic Daily. URL: <https://www.kedglobal.com/business-politics/newsView/ked202306200012> (дата обращения: 20.06.23).

Ik-Hwan Kim. Hanwha E&C abandons Bismayah project in Iraq; \$581 mn loss expected // The Korea Economic Daily. URL: <https://www.kedglobal.com/construction/newsView/ked20221009000> (дата обращения: 19.11.23).

² John Lee. Iraqi Govt Approves Completion of 30,000 Housing Units // Iraq Business News. URL: <https://www.iraq-businessnews.com/2023/11/14/iraqi-govt-approves-completion-of-30000-housing-units/> (дата обращения: 19.11.23).

³ Kurdistan bi çavikê kamereya fotografê Koreya Başûr [Курдистан глазами южнокорейского фотографа] // Rojevakurd. URL: <https://rojvakurd.com/kurdistan-bi-cavike-kamereya-fotografe-kor-eua-basur/> (На курд. яз.). (дата образования: 19.11.23).

созданной в 2016 г. организации «друзья Кореи», которая, среди прочего, отправляет курдских студентов на обучение в Южную Корею¹, фестивали корейской культуры², концерты корейской музыки, показы корейской одежды, поэтические собрания³. Проводятся конкурсы на знание корейской культуры⁴ и языка, количество знатоков которого в Курдистане невелико, но устойчиво растёт. Мероприятия проводятся не только в столице Курдистана, г. Эрбиль, но и в Сулеймании, так как Курдистан, по сути, раздроблен на два региона. В апреле 2013 г. в Эрбиле был открыт Корейский культурный центр. Понимая ограниченность своих возможностей по созданию какого-либо образовательного либо исследовательского учреждения в Курдистане, Южная Корея в 2023 г. договорилась с Американским университетом Сулеймании о создании там программы по корееведению с соответствующим грантом⁵. Эти усилия Южной Кореи, в значительной степени основанные на развитии деятельности общественной дипломатии, вписываются в её новую стратегию по повышению своего международного статуса [Бритова, 2023].

Большое значение для увеличения симпатий курдов к Южной Корее имеют и личные характеристики корейских дипломатов. Хотя в целом, как известно, южнокорейскому дипкорпусу присуща сдержанность, назначенный в 2019 г. консулом в Эрбиле Чой Кванг-Джин благодаря своей открытости, сильно выделяющейся на фоне представителей других стран в Курдистане, очевидно, в немалой степени способствовал ещё большему улучшению образа Республики Корея в этом крае. В сентябре 2020 г. на крупнейшем курдском телеканале Rûdaw было представлено обширное с ним интервью, в ходе которого южнокорейский консул, одетый в курдскую одежду, высоко оценивал развитие Курдистана, говорил о своей любви к нему и к курдам, рассказывал о Южной Корее, корейских блюдах, читал стихи, пел⁶. Вскоре ещё одно обширное выступление южнокорейского консула вышло в эфир на другом крупнейшем телеканале Курдистана

¹ Komeleya Dostên Koreyê li Hewlêrê 2yemîn festîvala xwe saz kir [Общество «Друзей Кореи» в Эрбиле организовало сво 2-й фестиваль] // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/ap/021220189>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.12.23).

² См., например, репортажи телеканала Rûdaw об одном из таких фестивалей: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=290073040242146>. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1395200564671064>. См. также репортаж о группе корейских танцев: <https://www.facebook.com/watch/?v=555203303331457>. (На курд. яз.).

Konsulê Koreya Başûr: Çiya û gundên Kurdan ji bajarên wan xweştir in [Консул Южной Кореи: горы и сёла Курдистана лучше городов]. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/interview/25072023>. (На курд. яз.).

³ Poetic diplomacy: Korea, Kurdistan strengthen ties through culture // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/250420193> (дата обращения: 19.11.23).

⁴ Pêşbirka behredariya Koreyê li Herêma Kurdistanê birêve diçe [В Курдистане проходит конкурс корейского мастерства] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/1609202011>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁵ Korean Studies Scholarship (AKS-2023-INC-2230005) // American Institute of Iraq, Sulaimani. URL: <https://ais.edu.krd/?q=korean-studies-scholarship> (дата обращения: 19.11.23).

⁶ Konsulê Koreya Başûr: Kurdistan ber bi xala rast ve diçe [Консул Южной Кореи: Курдистан движется в правильном направлении] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/1209202012>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

на — Kurdistan24, где он представил сравнительный анализ различных аспектов Курдистана и Южной Кореи¹, подчёркивая их сходство. На различных корейских праздниках в Курдистане им регулярно исполнялись песни на курдском языке. Чой Кванг-Джин опубликовал в Курдистане сборник стихов, предисловие к которому написал президент Нечирван Барзани. Южнокорейский дипломат называл Курдистан своим «вторым домом», часто носил курдскую одежду, причём хорошо разбираясь в её региональных стилях², эффектно фотографируясь в ней на фоне курдистанских достопримечательностей³, говорил о близости корейской и курдской культур⁴, своем восхищении курдским языком⁵, историей курдов и Курдистаном⁶. В преддверии завершения своей трехлетней дипломатической миссии он заявлял, что время службы в Курдистане стало самым счастливым периодом его жизни и он никогда не забудет Эрбиль⁷. Понимая роль СМИ в формировании и поддержании положительного образа, южнокорейский консул имел весьма тёплые отношения с курдистанскими СМИ. Так, перед отъездом из Курдистана он посетил не только лидеров региона⁸, но и отдельно поблагодарил крупнейший курдистанский телеканал⁹, ранее вручив ему ещё и грамоту МИД Южной Кореи¹⁰, очевидно полученную при его содействии. В рамках прощания с Курдистаном корейский консул спел песню о внутренне

¹ Официальная страница Kurdistan24 в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1016854238838272>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

² Konsulê Koreya Başûr: Kurdistan ber bi xala rast ve diçe...

Zhelwan Z. Wali. 'Kurds have no friends but the mountains and Korea': Korean consul...

³ A Korean diplomat's love affair with Kurdish clothing, poetry // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/english/culture/06092020> (дата обращения: 19.11.23).

⁴ Serok Barzanî û Konsulê Koryaya Başûr tekeziyê li kûrkirina pêwendiyên dikin [Президент Барзани и консул Южной Кореи подчеркивают углубление отношений] // Kurdistan24. URL: <https://www.24.krd/kmr/story/56669-Serok-Barzan%C3%AE-%C3%BB-Konsul%C3%AA-Koryaya-Ba%C5%9F%C3%BBr-tekeziy%C3%AA-li-k%C3%BBkirina-p%C3%AAwendiyen-dikin> (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁵ A Korean diplomat's love affair with Kurdish clothing, poetry....

⁶ Mohammed D.S. 'Kurdistan Region has so much potential and room to grow'...

⁷ Konsulê Koreya Başûr: Dê Hewlêr her tim di dilê min de bimîne [Консул Южной Кореи: моё сердце навсегда останется в Эрбиле] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2301202220>. 23.01.2022. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁸ Serok Barzanî û Konsulê Koryaya Başûr tekeziyê li kûrkirina pêwendiyên dikin...;

Mesrûr Barzanî rola Konsulê Koryaya Başûr di pêşvebirina pêwendiyên de bilind dinirxîne [Масрур Барзани высоко оценивает роль консула Южной Кореи в развитии отношений] // Kurdistan 24. URL: <https://www.24.krd/kmr/story/56670-Mesr%C3%BBr-Barzan%C3%AE-rola-Konsul%C3%AA-Koryaya-Ba%C5%9F%C3%BBr-di-p%C3%AA%C5%9Fvebirina-p%C3%AAwendiyen-de-bilind-dinirx%C3%AEne>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁹ Serokê Herêma Kurdistanê û Konsolê Koreya Başûr civiyan [Встретились президент Региона Курдистан и консул Южной Кореи] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2501202211>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁹ Koreya Başûr spasiya Tora Medyaûî ya Rûdawê kir [Южная Корея выразила благодарность медиахолдингу Rûdaw]. // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2301202220>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

¹⁰ Wezaretê Derve ya Koreya Başûr Tora Medyaûî ya Rûdawê xelat kir [МИД Южной Кореи наградила медиахолдингу Rûdaw] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/1404202115>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

перемещённых лицах (беженцах), находящихся в лагерях Курдистана¹, которые являются одной из важных гуманитарных и экономических проблем в этом регионе, что, безусловно, способствовало ещё большим симпатиям курдов к нему лично и его стране.

Сменивший Чой Кванг-Джина в качестве консула Чо Киджунг, хотя несколько уступал своему предшественнику в вовлеченности в общественную жизнь Курдистана, однако всё же был заметен более других своих коллег зарубежных консулов и неоднократно выступал на курдских телеканалах².

Фактически Южная Корея участвует во всех проблемах в Курдистане, как связанных непосредственно с этим краем, так и глобального характера. Так, после начала пандемии КОИСА передало мнздраву Курдистана 400 тыс. долл. для создания лабораторий по коронавирусу³.

В Южной Корее, где ранее никогда не было курдов, в настоящее время их численность составляет около 1 тыс., включая студентов. Наличие пусть и столь немногочисленной диаспоры, очевидно, также будет содействовать увеличению объёмов общения между курдами и корейцами. Не случайно южнокорейские дипломаты в деле курдско-корейского взаимодействия отводят особую роль курдам, изучающим и изучившим корейский язык. Появились и корейцы, владеющие курдским языком, что ранее невозможно было представить.

Вместо заключения

Понятно, что роль Южной Кореи невозможно сравнить с ролью Соединённых Штатов, фактически спасших в 1992 г. иракских курдов от истребления Саддамом Хусейном и являющихся гарантом обеспечения определённого уровня самостоятельности этого региона в рамках иракского государства, а культурное влияние Южной Кореи мало по сравнению с культурным влиянием США благодаря очень широкому распространению в Ираке английского языка и лёгкому доступу к американской культуре, распространённой по всему миру. Однако очевидно, что за последние почти два десятилетия Республика Корея провела огромнейшую работу в Курдистане, получив один из наиболее положительных образов своей страны за рубежом. Хотя период взаимоотношений южнокорейцев с курдами весьма непродолжителен по историческим меркам и сильно уступает связям курдов с крупными внешними державами, даже учитывая существенно меньшее знание языка и отсутствие диаспоры, «мягкая сила» Южной

¹ Konsulê Koreya Başûr bi xwendina straneke Kurdî xatir xwest [Консул Южной Кореи попросился, спев песню] // Kurdistan24. URL: <https://www.24.krd/kmr/story/56702-Konsul%C3%AA-Koreya-Va%C5%9F%C3%BBr-bi-xwendina-straneke-Kurd%C3%AE-xatir-xwest>. (На курд. яз.). (Дата обращения: 19.11.23).

² См., например: Kurds speaking Korean 'enormously' contributes to boosting Seoul-Erbil relations: Consul. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UOq2PzYdREo>. (На курд. и англ. яз.). (Дата обращения: 25.07.2023).

Konsulê Koreya Başûr: Çiya û gundên Kurdan ji bajarên wan xweştir in...

³ Pêşbirka behredariya Koreyê li Herêma Kurdistanê birêve diçe...

Кореи более чем заметна. В немалой степени это обусловлено деятельностью корейских дипломатов.

Кроме того, масштабы «средней державы» Южной Кореи, которые имеют больше ограничений по сравнению с возможностями сверхдержав, в то же время предоставляют подобного рода странам преимущества. Если в отношении политики мировых держав у курдов время от времени возникает недовольство или фрустрация (нередко можно услышать и утверждения о предательстве), исходя из Realpolitik, очевидно, не сконцентрированной на безусловной поддержке курдов этими державами, имеющих определённые обязательства перед странами, не заинтересованными в создании курдского государства, то Южная Корея, не играющая важную роль в крупных сложных международных вопросах, не вызывает у курдов завышенных ожиданий, а соответственно, и разочарования. Действия Республики Корея, основанные на помощи и содействии развитию, априори только положительны. В этом смысле слова одного из лидеров Курдистана Нечирвана Барзани о том, что «Республика Корея всегда доказывала, что является другом народа Курдистана» и «мы уважаем и ценим вашу дружбу и поддержку Курдистана»¹ естественны и искренни.

Понимая весьма высокий уровень симпатий к южнокорейцам со стороны курдов, южнокорейские дипломаты, действующие в Курдистане, очевидно, в свою очередь, проникаются теплыми чувствами к курдам, и разного рода похвала в их адрес основана не только лишь на дипломатическом этикете, тем более учитывая ситуацию в прилегающих районах остальной части Ирака. В этом смысле заявления южнокорейского консула об «очень особых» отношениях между Курдистаном и Кореей (насколько это возможно, учитывая, что Курдистан не является государством) не являются преувеличением², и Курдистан является одним из важнейших направлений, где Южная Корея реализует одну из главных своих национальных идей — обретение международного авторитета и выход за пределы Северо-Восточной Азии [Бритова, 2023, с. 68].

Библиографический список

Аватков В.А., Агафонова Я.В. Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ «братства по духу» // Регионоведение, 2023. Т. 31, № 1. С. 10—29. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029.

Бритова В.Р. Повышение международного статуса Республики Корея при президенте Мун Чжэ Ине (2017—2022 гг.) // Корееведение, 2023. № 1 (2). С. 67—76. DOI: 10.48647/ICCA.2023.52.21.006.

Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика, 2020. № 3. С. 25—40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034.

¹ Выступлением премьер-министра Курдистана 12 декабря 2017 г. на открытии нового здания Курдистанского института государственного управления, профинансированного корейским правительством. Транслировалось на телеканале Rûdaw.

² Kurdistan Region, South Korea relationship...

Волощак В.И., Безотосова А.Р., Никоненкова Н.И. Внешняя политика Республики Корея после президентских выборов 2022 г. // Известия Восточного института, 2023. № 1. С. 156—166. DOI: 10.24866/2542-1611/2023-1/156-166.

Воронцов А., Понька Т., Варнаховский Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея: теория и практика // Международные процессы, 2020. № 1. С. 89—105. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.5.

Мосаки Н.З. Эволюция политики КНР в отношении Иракского Курдистана // Проблемы Дальнего Востока, 2016. № 1. С. 40—53.

Пугачева О.С. Эволюция и перспективы центральноазиатской политики Республики Корея. Восток (Oriens), 2023. № 4. С. 127—139. DOI: 10.31857/S086919080025931-1.

Родионов В.А., Бритова В.Р. Республика Корея как «средняя держава»: теория и практика // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2021. № 3 (43). С. 53—62. DOI: DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-53-62.

Azad Sh. Evolving toward normalcy amid anomaly: North Korea's Middle East policy since the demise of Kim Il-Sung // Asian Affairs, 2018. Vol. 49, No. 3. Pp. 383—401. DOI: 10.1080/03068374.2018.1487686.

Azad Sh. South Korea's Expanding Arms Trade with the Middle East: From Workers to Weapons // The RUSI Journal, 2023. Vol. 168, Issue 3. Pp. 32—45. DOI: 10.1080/03071847.2023.2218892.

Bridges B. From ASPAC to EAS: South Korea and Southeast Asia // Asian Affairs: An American Review, 2014. Vol. 41, No. 2. Pp. 33—55. DOI: 10.1080/00927678.2014.910422.

Choi Y. J. South Korea's Regional Strategy and Middle Power Activism // The Journal of East Asian Affairs, 2009. Vol. 23, No. 1. Pp. 47—67.

Disney N. South Korean Workers in the Middle East // MERIP Reports, 1977. No. 61. Pp. 22—24+26.

Jeong H. W. South Korea's middle power diplomacy in the Middle East: development, political and diplomatic Trajectories. N.Y.: Routledge, 2022. 204 p.

Heo U., Roehrig T. South Korea's rise: economic development, power and foreign relations. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 228 p.

Kamaruddin N., Deivasagayam A. D. The NSP-K and NSP-K Plus: Elevating South Korea's Middle Power Presence Among Asean Member Countries // Asian Affairs, 2023. Vol. 54. Pp. 286—304. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213114.

Karim M. F. Middle power, status-seeking and role conceptions: the cases of Indonesia and South Korea // Australian Journal of International Affairs, 2018. Vol. 72, No. 4. Pp. 343—363. DOI: 10.1080/10357718.2018.1443428.

Kim N., Moon S. Transnational militarism and ethnic nationalism: South Korean involvements in the Vietnam and Iraq wars // Critical Military Studies, 2022. Vol. 8, No. 4. Pp. 409—427. DOI: 10.1080/23337486.2021.1875110.

Ko S.-B. South Korea's search for an independent foreign policy // Journal of Contemporary Asia, 2006. Vol. 36, No. 2. Pp. 258—273. DOI: 10.1080/00472330680000151.

Lee G. G. South Korea's Faustian Attitude: The Republic of Korea's Decision to Send Troops to Iraq Revisited // Cambridge Review of International Affairs, 2006. Vol. 19, No. 3. Pp. 481—493. DOI: 10.1080/09557570600869523.

Levkowitz A. The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security. Korea Economic Institute Academic Paper Series, 2010. Vol. 5. No 6. 9 p.

Oh S. I. Overseas Energy Investment of Korea and Japan: How did Two East Asian Resources-Rare Industrial Giants Respond to Energy Security Challenges. Palgrave Macmillan Singapore, 2023. 291 p. DOI: 10.1007/978-981-99-0285-9.

Snyder S. A. South Korea at the crossroads: autonomy and alliance in an era of rival powers. New York: Columbia University Press, 2018. 355 p.

Song N. North Korea's Middle East Diplomacy and the Arab Spring // Israel Journal of Foreign Affairs, 2016. Vol. 10, No. 1. Pp. 75—89. DOI: 10.1080/23739770.2016.1181921.

Szalontai B., Jinil Y. Maneuvering between Baghdad and Tehran: North Korea's Relations with Iraq and Iran during the Cold War // Journal of Cold War Studies, 2023. Vol. 25, No. 2. Pp. 179—247. DOI: 10.1162/jcws_a_01119.

Yang A. H., Hsiao H.-H. M. Navigating the Politics of Soft Power: Taiwan and Korea's Regional Approach in Comparison // Asian Affairs, 2023. Vol. 54, No. 2. Pp. 342—353. DOI: 10.1080/03068374.2023.2216594.

Yun S., Galas J. V. The Evolution of South Korea's New Southern Policy (NSP-K): The Moon and Yoon Administrations // Asian Affairs, 2023. Vol. 54, No. 2. Pp. 250—263. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213113.

Zelcer-Lavid M., Evron Y. East-West Asia relations: the Israeli-Palestinian conflict and civil society in South Korea and Japan // Israel Affairs, 2021. Vol. 27, No. 1. Pp. 181—201. DOI: 10.1080/13537121.2021.1864857.

References

Avatkov V. A., Agafonova Ya. V. (2023). Respublika Koreya i Turetskaya Respublika: sopostavitel'nyj analiz "bratstva po dukhu" [The Republic of Korea and the Republic of Turkiye: A Comparative Analysis of the "Brotherhood in Spirit"], *Russian Journal of Regional Studies*, Vol. 31, No. 1: 10—29. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029. (In Russian).

Britova V. R. (2023). Povyshenie mezhdunarodnogo statusa Respubliki Koreya pri prezidente Mun Chzhe Ine (2017—2022) [Promoting the international position of the Republic of Korea under president Moon Jae in (2017—2022)], *Koreevedenie [Koreanology]*, Vol. 1, No. 2: 67—76. DOI: 10.48647/ICCA.2023.52.21.006. (In Russian).

Mossaki N. Z. (2016). Evolutsiya politiki KNR v otnoshenii Irakskogo Kurdistana [Evolution of Chinese policy toward Iraqi Kurdistan], *Problemy al'nego Vostoka*, 1: 40—53. (In Russian).

Mossaki N. (2016). China's Changing Sentiments toward Iraqi Kurdistan, *Far Eastern Affairs*, Vol. 44, No. 1: 67—84.

Pugacheva O.S. (2023). Evolyutsiya i perspektivy tsentral'noaziatskoj politiki Respubliki Koreya [Evolution and Prospects of the Central Asian Policy of the Republic of Korea], *Vostok (Oriens)*, No. 4: 127—139. DOI: 10.31857/S086919080025931-1. (In Russian).

Rodionov V.A., Britova V.R. (2021). Respublika Koreya kak "srednyaya derzhava": teoriya i praktika [The Republic of Korea as a "Middle Power": Theory and Practice], *Vestnik BNC SO RAN*, No. 3 (43): 53—62. DOI: DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-53-62. (In Russian).

Azad Sh. (2018). Evolving toward normalcy amid anomaly: North Korea's Middle East policy since the demise of Kim Il-Sung, *Asian Affairs*, Vol. 49, No. 3: 383—401. DOI: 10.1080/03068374.2018.1487686.

Azad Sh. (2023). South Korea's Expanding Arms Trade with the Middle East: From Workers to Weapons, *The RUSI Journal*, Vol. 168, No. 3: 32—45. DOI: 10.1080/03071847.2023.2218892.

Bridges B. (2014). From ASPAC to EAS: South Korea and Southeast Asia, *Asian Affairs: An American Review*, Vol. 41, No. 2: 33—55. DOI: 10.1080/00927678.2014.910422.

Choi Y. J. (2009). South Korea's Regional Strategy and Middle Power Activism, *The Journal of East Asian Affairs*, Vol. 23, No. 1: 47—67.

Disney N. (1977). South Korean Workers in the Middle East, *MERIP Reports*, No. 61: 22—24+26.

Jeong H. W. (2022). South Korea's middle power diplomacy in the Middle East: development, political and diplomatic Trajectories. *N.Y.: Routledge*, 204 p.

Heo U., Roehrig T. (2014). South Korea's rise: economic development, power and foreign relations. *Cambridge, Cambridge University Press*, 228 p.

Kamaruddin N., Deivasagayam A. D. (2023). The NSP-K and NSP-K Plus: Elevating South Korea's Middle Power Presence Among Asean Member Countries, *Asian Affairs*, Vol. 54, No. 2: 286—304. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213114.

Karim M. F. (2018). Middle power, status-seeking and role conceptions: the cases of Indonesia and South Korea, *Australian Journal of International Affairs*, Vol. 72, No. 4: 343—363. DOI: 10.1080/10357718.2018.1443428.

Kim N., Moon S. (2022). Transnational militarism and ethnic nationalism: South Korean involvements in the Vietnam and Iraq wars, *Critical Military Studies*, Vol. 8, No. 4: 409—427. DOI: 10.1080/23337486.2021.1875110.

Ko S.B. (2006). South Korea's search for an independent foreign policy, *Journal of Contemporary Asia*, Vol. 36, No. 2: 258—273. DOI: 10.1080/00472330680000151.

Lee G. G. (2006). South Korea's Faustian Attitude: The Republic of Korea's Decision to Send Troops to Iraq Revisited, *Cambridge Review of International Affairs*, Vol. 19, No. 3: 481—493. DOI: 10.1080/09557570600869523.

Levkowitz A. (2010). The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security. Korea Economic Institute Academic Paper Series. Vol. 5. No. 6, 9 p.

Oh S.I. (2023). Overseas Energy Investment of Korea and Japan: How did Two East Asian Resources-Rare Industrial Giants Respond to Energy Security Challenges. *Palgrave Macmillan Singapore*, 291 p. DOI: 10.1007/978-981-99-0285-9.

Snyder S.A. (2018). South Korea at the crossroads: autonomy and alliance in an era of rival powers. *New York: Columbia University Press*, 355 p.

Song N. (2016). North Korea's Middle East Diplomacy and the Arab Spring, *Israel Journal of Foreign Affairs*, Vol. 10, No. 1: 75—89. DOI: 10.1080/23739770.2016.1181921.

Szalontai B., Jinil Y. (2023). Maneuvering between Baghdad and Tehran: North Korea's Relations with Iraq and Iran during the Cold War, *Journal of Cold War Studies*, Vol. 25, No. 2: 179—247. DOI: 10.1162/jcws_a_01119.

Vershinina V. V. (2020). “Derzhavy srednego urovnya” v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: sravnitel'nyj analiz kontseptual'nykh podkhodov [Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches], *Comparative Politics Russia*, No. 3: 25—40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034. (In Russian).

Voloshchak V.I., Bezotosova A.R., Nikonenkova N.I. (2023). Vneshnyaya politika Respubliki Koreya posle prezidentskikh vyborov 2022 g. [South Korea's Foreign Policy after 2022 Presidential Elections], *Oriental Institute Journal*, No. 1: 156—166. DOI: org/10.24866/2542-1611/2023-1/156-166. (In Russian).

Vorontsov A., Ponka T., Varpahovskis E. (2020). Kontseptsiya “srednej sily” (middle power) vo vneshnej politike Respubliki Koreya: teoriya i praktika [Middlepowermanship in Korean Foreign Policy], *Mezhdunarodnye protsessy (Intertrends)*, No. 1: 89—105. (In Russian).

Yang A. H., Hsiao H.-H. M. (2023). Navigating the Politics of Soft Power: Taiwan and Korea's Regional Approach in Comparison, *Asian Affairs*, Vol.54, No. 2: 342–353. DOI: 10.1080/03068374.2023.2216594.

Yun S., Galas J. V. (2023). The Evolution of South Korea's New Southern Policy (NSP-K): The Moon and Yoon Administrations, *Asian Affairs*, Vol. 54, No. 2: 250–263. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213113.

Zelcer-Lavid M. & Evron Y. (2021). East-West Asia relations: the Israeli-Palestinian conflict and civil society in South Korea and Japan, *Israel Affairs*, Vol. 27, No. 1: 181–201. DOI: 10.1080/13537121.2021.1864857.

Поступила в редакцию: 20.10.2023

Принята к публикации: 19.11.2023

Received: 20.10.2023

Accepted: 19.11.2023